

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Устойчивое развитие регионов

ФАКТОРЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ: АБСОЛЮТНЫЙ И ДЕПРИВАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ*

Елена Яковлевна ПАСТУХОВА ^{a,*},
Елена Алексеевна МОРОЗОВА ^b,
Наталья Михайловна ЕГОРОВА ^c

^a кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича,
Кемеровский государственный университет (КемГУ),
Кемерово, Российская Федерация
peau.13@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-1783>
SPIN-код: 7912-7816

^b доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой менеджмента им. И.П. Поварича,
Кемеровский государственный университет (КемГУ),
Кемерово, Российская Федерация
morea@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2215-9808>
SPIN-код: 5839-5432

^c аспирантка кафедры менеджмента им. И.П. Поварича,
Кемеровский государственный университет (КемГУ),
Кемерово, Российская Федерация
gukkkk@nextmail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-3542>
SPIN-код: 4468-4746

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 642/2020
Получена 12.11.2020
Получена в
доработанном виде
16.12.2020
Одобрена 25.01.2021
Доступна онлайн
15.03.2021

УДК 316.443
JEL: I32, Z13

Ключевые слова:

абсолютная бедность,
материальные
лишения, социально-
демографические
факторы,

Аннотация

Предмет. Социально-демографические, экономические факторы межрегиональной дифференциации уровня абсолютной бедности, материальных деприваций в регионах Сибирского федерального округа.

Цели. Анализ динамики уровня бедности, выявление социально-демографических, экономических факторов межрегиональной дифференциации масштабов бедности по доходам и материальным депривациям.

Методология. Применены методы корреляционного анализа, синтеза, сравнения.

Результаты. Выявлено наличие устойчивой прямой связи между абсолютной бедностью, распространенностью материальных лишений и следующими факторами: уровень общей безработицы, многодетность семьи, проживание в сельской местности, отсутствие профессионального образования, нетрудоспособный возраст. Определено, что сокращению масштабов бедности способствуют высокая ожидаемая продолжительность жизни, позитивная динамика уровня занятости, среднедушевых денежных доходов населения, объема инвестиций в основной капитал.

экономические факторы, корреляционный анализ

Выводы. Региональная политика по снижению уровня абсолютной и депривационной бедности должна быть основана на понимании различных факторов, вызывающих бедность, и использовании эффективных инструментов помощи.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Пастухова Е.Я., Морозова Е.А., Егорова Н.М. Факторы межрегиональной дифференциации уровня бедности: абсолютный и депривационный подходы // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 500 – 520.

<https://doi.org/10.24891/re.19.3.500>

Сокращение уровня бедности является одной из приоритетных задач России. В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ поставлена цель снизить уровень бедности в 2 раза к 2024 г. По данным Федеральной службы государственной статистики², в 2019 г. численность людей с доходами ниже величины прожиточного минимума составила 18,1 млн чел. (12,3% от общей численности населения).

Однако уровень бедности существенно различается по субъектам Российской Федерации. Доля людей с доходами ниже прожиточного минимума варьируется по регионам от 6,6% до 34,7%. Решение общенациональной задачи снижения масштабов бедности в регионах осложняется территориальными различиями в уровне жизни, показателях безработицы, величине реальных, номинальных доходов населения, негативным влиянием пандемии COVID-19 на экономику, рынок труда.

Исследование данной темы на примере регионов Сибирского федерального округа (СФО) было обусловлено следующими причинами. В СФО в течение многих лет фиксировались существенные межрегиональные различия в уровне бедности. Сибирские территории различаются по социально-экономическим показателям развития, по уровню занятости и безработицы, демографическому составу населения, состоянию популяционного здоровья, доле людей, имеющих (не имеющих) профессиональное образование. Выявление взаимосвязи между уровнем

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке внутривузовского гранта Кемеровского государственного университета.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

² Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1>

бедности и различными факторами, оказывающими значимое влияние на межрегиональную дифференциацию, является актуальной проблемой.

Цели исследования – анализ динамики уровня (масштабов) бедности в сибирских регионах, выявление социально-демографических, экономических факторов межрегиональной дифференциации уровня бедности по доходам и материальным депривациям.

Научная литература, посвященная изучению бедности, различных факторов ее формирования, чрезвычайно многообразна. В XVIII–XIX вв. многие известные мыслители (А. Смит, Т. Мальтус, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Спенсер) рассматривали бедность сквозь призму экономических отношений. Ученые признавали функциональную связь капитализма и бедности.

В конце XIX в. английские социологи Ч. Бут и Б.С. Раунтри первыми установили порог бедности в соответствии с минимальными стандартами жизни, сложившимися на тот момент в обществе³. Английские ученые рассматривали бедность как невозможность удовлетворения базовых потребностей человека в пище, жилище, одежде, тепле⁴. Позднее этот подход к определению нуждаемости был назван концепцией абсолютной бедности.

Качественное изменение в восприятии бедности происходит с 1950-х гг. В научных трудах П. Таунсенда, А. Маршалла традиционное понятие «абсолютная бедность» уступило место «относительной бедности» как постоянно меняющейся величине во времени и в пространстве. Бедность, по мнению ученых, не может быть понята вне социального и временного контекста. Это не просто нехватка средств на обеспечение базовых потребностей, а невозможность следовать распространенному образу жизни [1]. Бедность стала рассматриваться как неравенство, как неспособность следовать средним стандартам потребления.

В рамках определения бедности как неравенства выделяют две концепции: относительной бедности и относительного лишения (депривации). При изучении относительной бедности акцент делается на средства, доходы, на способность людей покупать товары, необходимые для удовлетворения общепринятых потребностей. Концепция относительного лишения основана на анализе бедности через материальные и социальные

³ Booth Ch. *Life and Labour of the People in London*. London, Macmillan & Co, 1902, 464 p.; Rowntree B.S. *Poverty: A Study of Town Life*. London, Macmillan & Co, 1908, 463 p.

⁴ Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.

депривации, ограничения, которые испытывает человек (семья) в стремлении следовать общепринятой модели благосостояния [2].

Российские ученые наиболее активно стали исследовать проблему бедности, начиная с 1990-х гг. Изучению различных видов бедности, особенностей ее воспроизводства посвящены работы авторитетных российских исследователей В.Н. Бобкова⁵, Т.С. Карабчук, Т.Р. Пашиновой и Н.Э. Соболевой [3], Л.Н. Овчаровой [4], Н.М. Римашевской, Л.А. Миграновой [5] и др. При оценке уровня (масштабов) бедности, малообеспеченности исследователи уделяют внимание следующим факторам: гендер, возраст, здоровье, наличие в семье несовершеннолетних детей, проживание в сельской местности [6–10].

Для оценки взаимосвязи уровня распространения бедности в сибирских регионах и социально-демографических, экономических факторов дифференциации нами были использованы абсолютный и депривационный подходы. Согласно абсолютному подходу, к числу бедных относят людей (домохозяйства) с доходами ниже величины регионального прожиточного минимума. С позиций депривационного подхода, бедные – это индивиды, домохозяйства, у которых не хватает ресурсов для удовлетворения базовых человеческих потребностей в сбалансированном питании, одежде, обуви, жилье, образовании, медицинском обслуживании [11].

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных экономистов, социологов по изучению проблем межрегионального неравенства в качестве, уровне жизни населения [12, 13], особенностей формирования, воспроизводства бедности, материальной депривации [14, 15]. Большое значение имеют концепции абсолютной, относительной бедности и относительного лишения⁶ [16].

Эмпирической базой исследования стали данные государственной статистики за 2010–2019 гг., характеризующие долю людей с доходами ниже величины прожиточного минимума (масштабы абсолютной бедности) в регионах СФО. Оценка распространения материальных деприваций была основана на материалах выборочных исследований Росстата, отражающих фактические условия жизнедеятельности российских семей.

⁵ Бобков В.Н. Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа и механизмы реализации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2005. № 1. С. 7–20.

⁶ Pastukhova E.Ya., Morozova E.A. Poverty and Problems of Nutrition in the Russian Regions. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2019, pp. 827–835. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.89>

В 2018 г. в документ «Комплексное наблюдение условий жизни» Росстат включил вопросы по выявлению материальных деприваций в семьях. Для оценки респондентам были предложены следующие лишения:

- отсутствие возможности оплачивать жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты;
- отсутствие возможности приобрести каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви (по одной на каждый сезон);
- отсутствие возможности употреблять в пищу мясо, птицу или рыбу (или употреблять равноценную вегетарианскую пищу) один раз в два дня;
- отсутствие возможности заменить пришедшую в негодность самую простую мебель;
- отсутствие возможности приобрести членам семьи новую одежду по мере износа старой;
- отсутствие возможности употреблять в пищу фрукты в любое время года;
- отсутствие возможности приглашать гостей на семейное торжество (день рождения, Новый год и др.);
- отсутствие возможности каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома.

Для данного исследования на основе опроса экспертов (преподавателей Кемеровского государственного университета) были отобраны лишения, связанные с невозможностью приобрести жизненно необходимые лекарственные препараты; приобрести каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви; употреблять хотя бы один раз в два дня блюда из мяса, птицы или рыбы. В дальнейшем эти лишения были использованы нами для оценки взаимосвязи социально-демографических, экономических факторов и уровня распространения деприваций.

В течение 2010–2019 гг. динамика уровня абсолютной бедности в сибирских регионах была неустойчивой. В 2010–2012 гг. фиксировался относительно низкий уровень бедности. Но экономический кризис 2013–2016 гг., характеризующийся заметным спадом промышленного производства, снижением уровня занятости, ростом безработицы, оказал негативное влияние на реальные размеры заработной платы, доходов от предпринимательской деятельности, социальных выплат. Как следствие,

во многих сибирских регионах увеличилась доля людей с доходами ниже прожиточного минимума. Соответствующие данные представлены в *табл. 1*.

В 2016 г. по сравнению с 2012 г. зафиксированы высокие темпы роста уровня абсолютной бедности в Кемеровской области (на 50%), в республиках Алтай и Тыва (на 38% и 35% соответственно), в Омской и Иркутской областях (на 34% и 21% соответственно), в Красноярском крае и Хакасии (на 17–18%). Число бедных значительно увеличилось в промышленных регионах (Кемеровская, Омская и Иркутская области, Красноярский край) и субъектах, зависящих от федеральных бюджетных дотаций (Республика Тыва, Республика Алтай).

На протяжении всего исследуемого периода дифференциация в уровне абсолютной бедности между республикой Тыва (регион с экстремально высокой долей бедных) и Омской областью (в Сибирском федеральном округе самые низкие показатели бедности) составляла 2,52–2,84 раза. Это очень существенные различия, которые в ближайшие годы будут усиливаться под влиянием спада в экономике, пандемии COVID-19, снижения уровня занятости, роста безработицы, сокращения реальных доходов населения.

Данные, характеризующие региональные различия в уровне распространения материальных лишений, представлены в *табл. 2, 3*.

Почти на всех территориях СФО материальные лишения встречаются чаще, чем в среднем по России. Наиболее высокий уровень распространения деприваций связан с невозможностью приобретения сезонной обуви каждому члену семьи. Чаще других эти лишения испытывают жители республик Тыва, Алтай, Хакасия, Алтайского края. В этих регионах (за исключением Алтайского края) высокий удельный вес населения моложе трудоспособного возраста, которое чаще испытывает потребность в покупке сезонной обуви.

Однако депривации, связанные с покупкой жизненно необходимых лекарств, чаще встречаются на территориях с высокой долей пожилого (Кузбасс, Иркутская область) и сельского населения (Алтайский край). Уровень доходов людей старше трудоспособного возраста, сельских жителей ниже по сравнению с трудоспособным и городским населением. Проблемы в обеспечении жителей села лекарственными препаратами также обусловлены низкой транспортной доступностью, удаленностью от областных, районных центров.

Существенные различия в показателях бедности между сибирскими регионами объясняются социально-демографическими и экономическими факторами. Оценка взаимосвязи данных детерминант и уровня распространения абсолютной, депривационной бедности будет проведена далее.

Для оценки взаимосвязи уровня бедности и социально-демографических факторов были использованы следующие показатели:

- доля супружеских пар с тремя и более несовершеннолетними детьми;
- доля неполных женских семей с детьми до 18 лет;
- доля населения старше трудоспособного возраста в регионе;
- доля сельских жителей;
- численность населения от 15 лет и старше, которое имеет (не имеет) профессиональное образование;
- ожидаемая продолжительность жизни.

Поскольку многие характеристики бедности, факторов влияния имеют асимметричное распределение, в качестве меры связи в расчетах использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Выявлена устойчивая значимая прямая связь между уровнем абсолютной бедности, материальными депривациями и следующими социально-демографическими характеристиками населения:

- наличие в семье трех и более детей до 18 лет;
- высокая доля сельских жителей в регионе;
- отсутствие профессионального образования у людей в возрасте от 15 лет и выше.

Данные факторы усиливают рост масштабов абсолютной бедности и распространение деприваций, связанных с питанием и невозможностью приобрести сезонную обувь всем членам семьи (*табл. 4*).

Депривации, связанные с невозможностью приобрести жизненно необходимые лекарства, значимо коррелируют только с двумя факторами:

- материнская неполная семья с детьми до 18 лет;

– доля сельского населения региона.

Высокая ожидаемая продолжительность жизни способствует снижению уровня бедности, ослаблению материальных деприваций [17]. Между этими показателями зафиксирована обратная связь.

В качестве экономических факторов межрегиональной дифференциации уровня бедности были рассмотрены:

- занятость населения в возрасте 15–72 лет;
- уровень общей безработицы;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- внутрирегиональная и межрегиональная трудовая миграция;
- объем инвестиций в основной капитал на душу населения.

Результаты соответствующих расчетов на основе данных за 2018–2019 гг. представлены в *табл. 5*.

Позитивная динамика уровня занятости населения, среднедушевого денежного дохода, инвестиций в основной капитал способствуют сокращению масштабов абсолютной бедности и степени распространения материальных лишений. Действие этих детерминант довольно значимо для жителей Омской, Новосибирской, Томской областей, в которых зафиксированы относительно низкие масштабы бедности.

Высокий уровень безработицы оказывает значимое влияние на рост бедности на всех сибирских территориях. Отсутствие статистически значимой связи между показателями трудовой миграции и бедности объясняется точностью статистического учета миграции. По мнению Н.В. Зубаревич, государственная статистика не может охватить весь пласт трудовой мобильности, которая в действительности намного выше [18].

Межрегиональные различия в уровне абсолютной бедности в сибирских территориях существенны. Наиболее высокие масштабы бедности зафиксированы в республиках Тыва и Алтай. Регионы с относительно низкой численностью малоимущих – это Омская, Новосибирская, Кемеровская области. Региональные различия по числу абсолютно бедных составляют 2,52–2,84 раза. В 2018 г. межтерриториальные различия по депривациям, связанным с питанием, составляли 2,66 раза,

с покупкой жизненно необходимых медикаментов – 2,47 раза, с приобретением сезонной обуви всем членам семьи – 1,64 раза.

Проведенный анализ позволил выявить наличие устойчивой прямой связи между уровнем абсолютной бедности и распространенностью лишений, связанных с питанием (0,775 на уровне значимости $p=0$); невозможностью приобрести сезонную обувь для всех членов семьи (0,799 на уровне значимости $p=0$). Между абсолютной бедностью и депривациями, связанными с покупкой жизненно необходимых лекарств, статистически значимая связь не выявлена (0,295 на уровне значимости $p=0,207$). Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Для большинства регионов Сибирского федерального округа актуальными факторами бедности являются уровень общей безработицы; негативная динамика уровня занятости; низкий объем инвестиций в основной капитал; рост числа неполных женских семей с несовершеннолетними детьми.

Для республик Тыва, Алтай, в дополнение к сказанному, значимые детерминанты бедности – это большое число семей с тремя и более детьми в возрасте до 18 лет, существенная доля сельских жителей, низкий размер среднедушевых денежных доходов. По сравнению с другими сибирскими территориями, более значимое число межрегиональных, внутрирегиональных трудовых мигрантов зафиксировано в республиках Хакасия, Алтай, а также в Омской области. Одна из основных экономических причин миграции – это возможность увеличить уровень денежных доходов.

Региональная политика по снижению численности малоимущих, уменьшению масштабов распространения материальных деприваций должна быть основана на понимании факторов, вызывающих бедность, и использовании эффективных инструментов помощи. Основные направления сокращения бедности – это снижение уровня общей безработицы, рост уровня занятости и объема инвестиций в основной капитал, оказание помощи семьям с детьми, повышение доступности для детей образовательных услуг, обеспечение качественной медицинской помощи для всего населения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе реализации в сибирских регионах национальных проектов, целью которых является сокращение уровня бедности, рост занятости, развитие человеческого капитала, снижение диспропорций в уровне социально-экономического развития территорий.

Таблица 1

**Уровень абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа,
% от общей численности населения субъекта Российской Федерации (2010–2019 гг.)**

Table 1

**The absolute poverty rate in the Siberian Federal District regions in 2010–2019,
percentage of the total population of the Russian Federation constituent entity**

Регион	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Алтай	17,7	18,6	18,5	20,9	20,9
Республика Тыва	29,6	30,6	27,9	33,4	35,2
Республика Хакасия	18,4	18,6	16,3	16,6	18,2
Алтайский край	23,9	22,6	20,6	17,6	17,1
Красноярский край	17,9	18,1	15,6	15,2	17
Иркутская область	18,1	19,2	16,8	17	18,8
Кемеровская область	11	11,6	10,6	13,9	14,1
Новосибирская область	16,3	16,5	14,1	14,4	15,2
Омская область	14,1	12,7	11	12,1	12,4
Томская область	17,4	17,8	16,2	16,1	13
Россия (средний уровень)	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3

Продолжение

Регион	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Алтай	24,3	25,6	25,4	24	24,2
Республика Тыва	38,3	37,8	35,8	34,4	34,7
Республика Хакасия	17,7	19,1	18,8	18,5	18,9
Алтайский край	17,9	17,8	17,5	17,4	17,6
Красноярский край	18,9	18,4	17,6	17,1	17,5
Иркутская область	20,1	20,4	18	17,7	17,6
Кемеровская область	15,8	15,9	14,9	13,9	14
Новосибирская область	18,3	16,1	15,1	14,1	14,2
Омская область	13,9	14,7	14,2	13,6	13,9
Томская область	17,2	15	14,8	14,7	14,8
Россия (средний уровень)	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2

Распространенность материальных деприваций в регионах Сибирского федерального округа в 2018 г., % от числа опрошенных респондентов в соответствующем регионе

Table 2

The prevalence of material deprivation in the Siberian Federal District regions in 2018, percentage of respondents in the corresponding region

Регион	Употребление мяса (рыбы или птицы) реже одного раза в два дня
Республика Алтай	27,4
Республика Тыва	27,7
Республика Хакасия	15,6
Алтайский край	10,5
Красноярский край	13,1
Иркутская область	13,3
Кемеровская область	10,9
Новосибирская область	10,4
Омская область	12,7
Томская область	11,4
Россия (средняя величина)	10,1

Продолжение

Регион	Отсутствие возможности приобрести каждому члену семьи две пары подходящей обуви по сезону (по одной на каждый сезон)
Республика Алтай	58,1
Республика Тыва	63,1
Республика Хакасия	51,7
Алтайский край	54,6
Красноярский край	38,4
Иркутская область	45,7
Кемеровская область	39,1
Новосибирская область	45,6
Омская область	39,2

Томская область	39,4
Россия (средняя величина)	35,4

Продолжение

Регион	Отсутствие возможности приобрести жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты
Республика Алтай	13,9
Республика Тыва	16
Республика Хакасия	9,2
Алтайский край	18
Красноярский край	14,3
Иркутская область	22,7
Кемеровская область	20,7
Новосибирская область	14,7
Омская область	14,9
Томская область	18,8
Россия (средняя величина)	11

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа распространения материальных деприваций по регионам Сибирского федерального округа

Table 3

The results of a comparative analysis of the prevalence of material deprivation by region of the Siberian Federal District

Параметр	Употребление мяса (рыбы или птицы) реже одного раза в два дня	Отсутствие возможности приобрести каждому члену семьи две пары подходящей обуви по сезону (по одной на каждый сезон)	Отсутствие возможности приобрести жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты
Различия в уровне распространения деприваций, раз	2,66	1,64	2,47

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 4**Взаимосвязь между показателями бедности и социально-демографическими факторами****Table 4****The relationship between poverty indicators and socio-demographic factors**

Социально-демографические факторы	Уровень абсолютной бедности	Материальные депривации употребление мяса (рыбы или птицы) реже одного раза в два дня
Супружеские пары с тремя и более детьми до 18 лет	0,671	0,954
Матери с детьми до 18 лет	0,167	0,347
Доля сельского населения в численности населения региона	0,72	0,588
Доля населения старше трудоспособного возраста	0,177	0,809
Доля населения от 15 лет и выше, не имеющего профессионального образования	0,672	0,697
Ожидаемая продолжительность жизни	-0,55	-0,515

Продолжение

Социально-демографические факторы	Материальные депривации отсутствие возможности приобрести каждому члену семьи две пары подходящей обуви по сезону (по одной на каждый сезон)
Супружеские пары с тремя и более детьми до 18 лет	0,486
Матери с детьми до 18 лет	-0,122
Доля сельского населения в численности населения региона	0,769
Доля населения старше трудоспособного возраста	0,426
Доля населения от 15 лет и выше, не имеющего профессионального образования	0,721
Ожидаемая продолжительность жизни	-0,458

Продолжение

Социально-демографические факторы	Материальные депривации отсутствие возможности приобрести жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты
Супружеские пары с тремя и более детьми до 18 лет	–0,195
Матери с детьми до 18 лет	0,462
Доля сельского населения в численности населения региона	0,406
Доля населения старше трудоспособного возраста	0,146
Доля населения от 15 лет и выше, не имеющего профессионального образования	0,055
Ожидаемая продолжительность жизни	–0,248

Примечание. Жирным курсивом выделены коэффициенты Спирмена на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 20$.

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Таблица 5

Взаимосвязь между показателями бедности и экономическими факторами

Table 5

The relationship between poverty indicators and economic factors

Экономические факторы	Уровень абсолютной бедности	Материальные депривации употребление мяса (рыбы или птицы) реже одного раза в два дня
Уровень общей безработицы	0,453	0,396
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет	–0,64	–0,489
Межрегиональная и внутрирегиональная миграция	–0,201	–0,247
Среднедушевой денежный доход	–0,665	–0,622
Инвестиции в основной капитал на душу населения	–0,161	–0,42

Продолжение

Экономические факторы	Материальные депривации отсутствие возможности приобрести каждому члену семьи две пары подходящей обуви по сезону (по одной на каждый сезон)
Уровень общей безработицы	0,702
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет	–0,755
Межрегиональная и внутрирегиональная миграция	–0,287
Среднедушевой денежный доход	–0,788
Инвестиции в основной капитал на душу населения	–0,619

Продолжение

Экономические факторы	Материальные депривации отсутствие возможности приобрести жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты
Уровень общей безработицы	0,12
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет	0,17
Межрегиональная и внутрирегиональная миграция	–0,187
Среднедушевой денежный доход	–0,112
Инвестиции в основной капитал на душу населения	–0,229

Примечание. Жирным курсивом выделены коэффициенты Спирмена на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 20$.

Источник: авторская разработка на основе данных Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Список литературы

1. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Часть 1 // Экономическая наука в современной России. 2017. № 3. С. 70–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-neravenstvo-dohodov-naseleniya-v-rossii-i-za-rubezhom-chast-1/viewer>
2. Callan T., Nolan B., Whelan C.T. Resources, Deprivation and the Measurement of Poverty. *Journal of Social Policy*, 1993, vol. 22, iss. 2, pp. 141–172. URL: <https://doi.org/10.1017/S0047279400019280>
3. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ? // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-domohozyaystv-v-rossii-cto-govoryat-dannye-rmez-vshe/viewer>
4. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт: монография. М.: М-Студио, 2009. 267 с.

5. Римашевская Н.М., Мигранова Л.А. Влияние финансового кризиса на уровень жизни населения России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2010. № 5. С. 71–85.
6. Денисова И.А., Карцева М.А. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 138–154.
URL: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.12>
7. Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в российском обществе // *Социологические исследования*. 2014. № 1. С. 20–28. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_1/Lezhnina.pdf
8. Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 2. С. 289–302. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-sostoyanie-zdorovya-rol-absolyutnyh-ili-otnositelnyh-lisheniy/viewer>
9. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. № 2. С. 24–33.
URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10012>
10. Романюк М.А., Платоновский Н.Г., Павлова И.М. Проблемы сельской бедности в России // *Экономика сельского хозяйства России*. 2019. № 6. С. 100–105. URL: <https://doi.org/10.32651/196-100>
11. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Тер-Акопов С.А. Материальные депривации в оценках бедности // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 51–63.
URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015>
12. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // *Экономика региона*. 2012. № 2. С. 170–178.
URL: <https://doi.org/10.17059/2012-2-15>
13. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.
14. Spicker P. *Poverty and the Welfare State: Dispelling the Myths*. London, Catalyst Trust, 2002, 44 p.

15. Бедность и бедные в современной России: монография / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.
16. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. № 9. С. 66–84.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-bednosti-i-sokraschenie-neravenstva-po-dohodam-i-potrebleniyu-v-rossii/viewer>
17. Пастухова Е.Я. Материальное благосостояние как фактор влияния на здоровье населения российских регионов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 8. С. 38–41.
URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.8.8>
18. Зубаревич Н.В. Развитие регионов в январе–ноябре 2019 г.: инерция сохраняется // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 3. С. 66–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionov-v-yanvare-noyabre-2019-g-inertiya-sohranyaetsya/viewer>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Sustainable Development of Regions

FACTORS OF INTERREGIONAL POVERTY DIFFERENTIATION: ABSOLUTE AND DEPRIVATION APPROACHES

Elena Ya. PASTUKHOVA ^{a,*},
Elena A. MOROZOVA ^b,
Natal'ya M. EGOROVA ^c

^a Kemerovo State University (KemSU),
Kemerovo, Russian Federation
peau.13@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-1783>

^b Kemerovo State University (KemSU),
Kemerovo, Russian Federation
morea@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2215-9808>

^c Kemerovo State University (KemSU),
Kemerovo, Russian Federation
gukkkk@nextmail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-3542>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 642/2020
Received 12 Nov 2020
Received in revised
form 16 Dec 2020
Accepted 25 Jan 2021
Available online
15 March 2021

JEL classification:
I32, Z13

Keywords: absolute
poverty, material
deprivations, social and
demographic factors,
economic factors,
correlation analysis

Abstract

Subject. This article examines the socio-demographic and economic factors of interregional differentiation of absolute poverty and material deprivation in the regions of the Siberian Federal District.

Objectives. The article aims to analyze the changes in the poverty rate and identify socio-demographic and economic factors of interregional differentiation of poverty by income and material deprivation.

Methods. For the study, we used the methods of correlation analysis, synthesis, and comparison.

Results. The article reveals a persistent direct relationship between absolute poverty, the prevalence of material deprivation, and certain factors.

Conclusions. Regional policies to reduce absolute and deprivation poverty should be based on understanding the various factors that cause poverty, and using effective aid tools.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Pastukhova E.Ya., Morozova E.A., Egorova N.M. Factors of Interregional Poverty Differentiation: Absolute and Deprivation Approaches. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, iss. 3, pp. 500–520.
<https://doi.org/10.24891/re.19.3.500>

Acknowledgments

The article was supported by the Kemerovo State University intramural grant.

References

1. Livshits V.N., Livshits S.V. [Poverty and inequality in income of the population in Russia and abroad. General characteristics. Part 1]. *Ekonomicheskaya nauka v sovremennoi Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2017, no. 3, pp. 70–86.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-i-neravenstvo-dohodov-naseleniya-v-rossii-i-za-rubezhom-chast-1/viewer> (In Russ.)
2. Callan T., Nolan B., Whelan C.T. Resources, Deprivation and the Measurement of Poverty. *Journal of Social Policy*, 1993, vol. 22, iss. 2, pp. 141–172. URL: <https://doi.org/10.1017/S0047279400019280>
3. Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. [Poverty of Russian households: what we know about it from RLMS database]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 155–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bednost-domohozyaystv-v-rossii-chto-govoryat-dannye-rmez-vshe/viewer> (In Russ.)
4. Ovcharova L.N. *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt: monografiya* [Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience: a monograph]. Moscow, M-Studio Publ., 2009, 267 p.
5. Rimashevskaya N.M., Migranova L.A. [The influence of the financial crisis on the living standards of the population of Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2010, no. 5, pp. 71–85. (In Russ.)
6. Denisova I.A., Kartseva M.A. [Gender poverty gap in Russia: absolute vs. multidimensional concepts]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*, 2020, no. 2, pp. 138–154. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.12>
7. Lezhnina Yu.P. [Social and demographic specifics of poverty in the Russian Federation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014, no. 1, pp. 20–28.
URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_1/Lezhnina.pdf (In Russ.)

8. Kislitsyna O.A. [The influence of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, 2015, vol. 13, iss. 2, pp. 289–302.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-sostoyanie-zdorovya-rol-absolyutnyh-ili-otnositelnyh-lisheniy/viewer> (In Russ.)
9. Yelizarov V.V., Sinitsa A.L. [Poverty of families with children: problems of definition and measurement, regional characteristics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2018, no. 2, pp. 24–33. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10012>
10. Romanyuk M.A., Platonovskii N.G., Pavlova I.M. [Problems of rural poverty in Russia]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 2019, no. 6, pp. 100–105. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32651/196-100>
11. Korchagina I.I., Prokofieva L.M., Ter-Akopov S.A. [Material deprivations in poverty estimations]. *Narodonaselenie = Population*, 2019, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015>
12. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. [The inequality of the quality and standards of life of the population of the regions]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2012, no. 2, pp. 170–178. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17059/2012-2-15>
13. Kostyleva L.V. *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie: monografiya* [Inequality of the Russian population: trends, factors, regulation: a monograph]. Vologda, Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS Publ., 2011, 223 p.
14. Spicker P. *Poverty and the Welfare State: Dispelling the Myths*. London, Catalyst Trust, 2002, 44 p.
15. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (Eds). *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii: monografiya* [Poverty and the poor in modern Russia: a monograph]. Moscow, Ves' mir Publ., 2014, 304 p.
16. Aganbegyan A.G. [Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia]. *EKO = ECO*, 2017, no. 9, pp. 66–84.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preodolenie-bednosti-i-sokraschenie-neravenstva-po-dohodam-i-potrebleniyu-v-rossii/viewer> (In Russ.)

17. Pastukhova E.Ya. [Material welfare as a factor of influence on the population health in Russian regions]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2017, no. 8, pp. 38–41. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.8.8>
18. Zubarevich N.V. [Development of regions in January–November 2019: Inertia retains]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Development*, 2020, vol. 27, iss. 3, pp. 66–69.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-regionov-v-yanvare-noyabre-2019-g-inertiya-sohranyaetsya/viewer> (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.